

О царе Петре истинном и царе Петре ложном

В оное время, когда Петр задумал новшество всяческое вводить в старую, истинную, древлеправославную, вселенскими соборами поставленную веру в разрушение проводить, а Никоново бесовие за истинную веру почитать, великое событие с царем в ту пору приключилось, кое его духовные очи отверзло, душу его преобразило и на праведный, Господом нашим Иисусом Христом указанный, путь наставило.

Описуемое же событие произошло тако. Шел царь Петр единожды по лесу, что по берегу реки Невы рос, и в великом раздумье находился, ибо в тот день он неизъяснимое смятение духа восчувствовал и в сердце тоску ощутил, а в уме многие скорбные мысли имел. «Не любит меня народ православный, имя мое клянет, антихристом называет, а того не знает, что я, не покладая рук, ради его же блага работаю и всяческого добра желаю, а он от меня отворачивается».

Идет царь Петр с такими думами по лесу и того не заметил, что в самую глухую чащу зашел, где всякий след человеческий потерялся, и даже тропиночка, что по лесу змейкой вилась, и та окончилась. Опамятовался тогда царь Петр и назад хотел идти, а уж стемнело достаточно, и звезды на небе выступили. Смутился тогда царь Петр и не знал, какое решение принять: домой ли возвратиться, или же в лесу заночевать. «Дома приближенные меня ждут, да и в лесу всякого зверья достаточно, а то и лихой человек встретиться может. Пойду, может, на счастье и выберусь на дорогу» — так царь Петр в мыслях держал и на всякий случай меч обнажил, чтобы лихого человека или зверя, как должно, встретить.

Шел царь Петр по лесу, стало совсем темно, ни зги не видно, не только что дороги, но и деревья в сплошную стену слились. Оторопь царя взяла, и раздумье великое в нем поселилось. «Должно, за грехи мои такое испытание мне определено, чтобы я без покаяния смерть в лесу принял» — так царь Петр думать начал и крестное знамение совершил, да не по Никонову указанию, а по старой вере, как его царица Наталья Кирилловна и царевна Софьюшка учили, когда еще он махоньким ребеночком совсем был.

И только он на себя крестное знамение положил, лес светом озарился, и предстал перед царем Петром некий старец, ликом светел, в одеянии

архиерейском подобном, в одной ручке святое Евангелие держал, а другая на епископское благословение сложена. Лик у старца зело благообразен был, а по браде жемчугом слезы катились, а уста присвятое имя Исусово прославляли и вечную хвалу Ему воздавали.

А царь Петр с лицом скобленным был одет в женские обутки, в кафтан не смиренный, молитвенный, а в такой, что негоже на себя православному человеку и надевать, с полами кургузыми и сверху донизу расстегнутый.

И спросил тот свят человек царя Петра, куда и зачем он идет. А царь Петр тому свят человеку и ответа не нашел, ибо в великое смятение духа пришел, и с уст слова не пошли.

— Отколе ты и кто ты, свят человек? — через силу мог царь Петр слово молвить, а сам очи оземь опустил и картуз свой немецкий с головы сдернул.

— Куда шел, туда не придешь. Антихрист ты и праведных людей погубитель.

— А ты знаешь, кто я? — царь Петр старца спросил и меч свой кверху поднял, словно зарубить похотел.

Свят человек Евангелие кверху поднял, гневен стал и голос свой возвысил.

«Опусти меч свой, — старец приказал царю Петру, — и услышь мое веление. Сатана обуял тебя и очи твои ослепил, и дотолу не прозреешь, поколь не претерпишь смертные муки, — ими лишь и душу свою от грехов очистишь. Во тьме пребываешь, и свет не озарил тебя. Не в палаты свои вернешься, а в домовину, не порфирой облечешься, а смертными пеленами. Коли искупишь грехи свои, покаешься в них, прощен будешь, и нарекут тебя царем истинным, и будешь ты веры православной укрепителем. Рцу тебе сие, тако и будет. Аминь».

И лишь слова сии свят человек сказал, как тотчас и рассеялся, и опять мрак кромешный царя Петра покрыл.

Ничего допрежь того царь Петр не боялся, а тут напал на него страх великий, в очах помутилось, и опустил он на землю, ибо великое смятение восчувствовал и преисполнился трепета.

Лежит царь Петр, а сам ума приложить не может, что с ним такое содеялось и почему он в смятение пришел. «Должно, мне все это померещилось, —

царь Петр думает, — ничего такого не было наяву, никакого старца мне не явилось». И в думах таких незаметно для себя ко сну отошел. Так и заснул около того дерева, у которого на землю опустился.

Долго ли, коротко ли почивал царь Петр, сие неведомо, но знатное с ним приключилось, и на путь истинный то знатное его навело. Исполнились слова свят человека: как он спророчествовал, так и содеялось.

Слышит царь Петр сквозь сон, что кто-то его лик крыльями обвевает, а кругом лепое благоухание распространилось и сияние, очеса ослепляющее, разлилось. И стало от того веяния царю Петру прохладно, и в сердце своем он радость неизъяснимую увидел, словно кто весть дорогую ему принес. Согрелась царева душа, умилилась, восторга преисполнившись, и дивный сон он увидел. Видит царь Петр, что не в лесу дремучем он находится, не под деревом лежит, а в чертоге позлащенном, краше которого и на свете нигде нет, ни в государствах заморских, ни в России-матушке.

Стены в том чертоге густо позлащены, синью и киноварью изукрашены и хитро узорчаты, а в переднем углу святые иконы с лампадами неугасаемыми, паникадилами с свещьми возженными и кадилницами, ладаном благоухающими. А с потолка звезды небесные глядят, и в каждой той звезде лик херувимский, ангельский сияет. Посред же чертога место царское уготовлено и стуло, камнями изукрашенное самоцветными и лалом огромным осененное, поставлено.

И видит царь Петр, что и обличье у него другое, и одежда совсем иная, не немецкая, а как царю подобает по старому русскому обычаю и вере старой, истинной. До пояса выросла бородка шелковая, кафтан молитвенный, сапожки сафьянные, в ручках лестовка узловатая, а на голове волосики в скобочку принаряжены и чистым маслом смазаны, мертвого же волоса и в помине нет. Духом царь Петр возрадовался и сейчас на молитву встал, благо и подручник в указанном месте находился, и кропильница с кадилницей тут же на особливом столике положены.

И что было во сне царю Петру открыто, то и наяву совершилось: послышался некий глас с небеси, и глас тот возвестил: «Восстань, царь Петр, и поступай, как указано».

Восстал царь Петр и, совершив указанные земные поклоны, стал ожидать того указания.

— Узнаешь ли себя, царь Петр? — тот глас спросил.

— Не узнаю, владыко, — смиренно царь Петр слово в ответ посылает.

— Осени себя крестным знаменем троекратно и сядь на уготовленное царское место, — глас тот повелевает.

Пошел царь Петр к тому месту и хотел на стуло сесть, но стуло само собой отодвинется.

— Иди за ним, — услышал царь Петр снова тот же глас.

Исполнил то веление царь Петр, пошел за тем самым стулом, что для него было уготовлено, а стуло то вглубь стены вдвинулось, а с ним и стена отошла. И так все это дивно приключилось, что и понять невозможно, — идет царь Петр, а перед ним стуло в стене стоит, — он к нему подойти норовит, а стена вместе со стулом отодвинется.

Шел царь Петр за стулом великое время, шел он и притомился сильно.

— Устал я, владыко, неволю иди, — взмолился царь Петр.

— Иди, иди, таков твой предел, — слышит царь Петр все тот же глас.

Не посмел прекословить тому велению царь Петр, поправился немного и опять в путь трудный направился. А место царское все отдаляется, и никак царь Петр его достичь не может. Совсем близко подойдет, а оно еще того дальше отодвинется.

— Не превзойти мне искуса, — шепчет он, — силушки более не стает, неволю такой подвиг.

А у самого и губы побелели, и пот с лица ручьем бежать зачал, ноженьки, рученьки дрожат, и глаза уж не смотрят.

— Владыко, сил больше нет, — опять взмолился царь Петр.

— Не окончен твой путь! Иди, иди!

И долго еще шел царь Петр, на землю упадал, поднимался и снова шел. И видит он: облако светлое перед ним стену ту, у которой стуло находилось, собою прикрыло, а когда рассеялось, то и чертог позлащенный скрылся, и места царского не стало, и очутился он в лесной прогалине, над коей твердь лишь небесная, солнышко ярко сияет, и тучки по небу проносятся.

Остановился царь Петр, упал на колени и молиться зачал.

— Господи Всемилостивый, прости прегрешения мои, — так молился он и земные поклоны усердно клал.

— Не совершен еще подвиг твой, велики прегрешения, лишь смертью от них очиститься можешь, — глас проговорил, и царь Петр на землю приник.

— Господи, прими дух мой, — сказал тогда царь Петр, прислонился к сосеночке, что на прогалине росла, да так и застыл.

Откуда ни возьмись со всех сторон благочестивые старцы пришли и начали обряд по истовой вере справлять. Возжгли кадильницы и ладаном святым тело окадили, потом свечечки тонкие затеплили и начали псалмы петь, кои при погребении полагаются. Вынули из котомочки пелены белые, тоже ладаном их как следует окадили, зачерпнули ковшичком воды из ключика и тело царя Петра по обряду, с песнопениями, обмыли. Принесли из лесу домовину и опеленали тело и в нее положили, а как ту домовину закрыли, то опять псалмы запели и с молитвами в могилку опустили, сотворили поминание, праху поклонились, холмик насыпали, окадили могилку и неведомо куда скрылись.

И слышит все это царь Петр и ужасается, как его живого за мертвого в землю зарыли, погребенью предали.

Лежит он в могиле. Тесно ему, вода холодная пробралась, черви закопошились и живое тело грызть зачали.

И все сие царь Петр чувствует, а слова промолвить не может, ибо по телесности своей он мертв есть. Разум остался, и мышление всякое осталось, а бранные останки тлению подверглись. Стал тогда царь Петр думу думать великую и в мыслях себе разные вопросы задавать, и чем их больше задавал, тем больше горю предавался.

— Кто-то теперь моим государством правит? — так себя царь Петр спрашивает. — Алексашка да Лефортов, поди, всем царством завладели и по-своему все дела вершат. Искоренят они веру истинную и любезного моего сына, царевича Алексея, изведут.

А в ту пору такое приключилось, что всякому вероятно малоподобно. Как пошел царь Петр по лесу прогуляться и назад в тот день не вернулся, послали его искать, всюду ратных людей разослали, чтобы поиск сделать по всей земле Русской: не сокрыли ли лихие люди царя Петра и над ним какого злодеяния не совершили? Искали, искали — нет нигде, словно в воду канул

или сквозь землю провалился.

Собрались тогда из первейших бояр и самых что ни на есть приближенных рядить, судить, как без царя государством править.

— Никак этого невозможно, — боярин Стрешнев сказал, — потому мы сами себя соблюсти не сумеем и всяческое своеволие учиним. А вот что я вам, бояре, скажу, по самой чистой совести и от всего сердца. Теперь царь Петр неведомо куда девался, —хороший ли, плохой ли смертью преставился, — мы того не знаем и знать не можем, а только нет у нас царя, некому государством править. Вот и нужно нам царя выбрать, чтобы он, и обычаям, и подобием и ликом на царя Петра походил, чтобы никому и в ум не пришло, что другой у нас царь Петр, а не тот, что допрежь того был. А теперь мы в народ такую молвь пустим, что-де царь Петр в иноземные государства уехал и там-де и пребывает по сей день.

Судили, рядили бояре, а против Стрешнева-боярина никто ничего выдумать не мог, и ему же кланяться зачали, чтобы он схожего на царя Петра человека нашел, государеву делу его обучил и впредь своим наставлением не оставил.

— Согласен, — боярин Стрешнев говорит, — только сам я за это дело не возьмусь, по старческим моим летам мне такого дела не содеять, а вот Лефортов может оборудовать, потому он ближним человеком царя Петра был и его всякие свойства знает. Препоручите ему, он веры хотя и немецкой, а наш обычай довольно изучил.

— Согласен ли ты? — бояре Лефортова спрашивают, а он скобленным рылом ухмыляется и от препоручения отказывается.

— Мне, — говорит, — не пристало таким делом и заниматься, потому, — говорит, — у меня своих хлопот не обобратся. А вы, бояре, поклонитесь пониже боярину Стрешневу, пусть он своего родича приведет и вам покажет, — вы и сами тогда рассудите, годен ли сей человек вместо царя Петра быть.

Упирался боярин Стрешнев, упирался, а все-таки бояр послушал и своего родича привел перед бояр.

Как все сего человека увидали, так все и ахнули, ибо словно царь Петр вернулся и самолично перед ними встал. И взгляд такой же пронзительный, голос повелительный, росту могущественного и силы богатырской.

— Будь ты за место царя Петра! — в один голос бояре закричали и перед Сенат сего человека привели и сказали, что-де царь Петр нашелся и снова своим государством править зачал. Сейчас в трубы заиграли, и всякое бесовское времяпрепровождение началось, кто во что горазд и кто в машкерстве и скоморошестве один другого грешнее содеет.

И бысть с того дня на Руси два царя Петра: один истинный, что искупление себе от грехов в могилке замаливает, и другой, что всяким машкерством и бесовскими потехами занимался и старую веру искоренял, как ему то Лефортов присоветовал.

Ничего того, что содеялось царю Петру истинному, открыто не было, и лежит он в сырой могилке, в грехах кается и в вере истинной укрепляется. «Гордыней я необъятной преисполнен был, полагал, что превыше меня никого и на свете нет, — кается царь Петр истинный, — древнюю истинную веру не почитал и всяческое ей утеснение творил. А к чему все сие привело? И все прочее, что я и соделал, все прахом и тлением содеялось. Где же мои сотоварищи верные, где бояре именитые, где весь народ православный? Все как есть, все забыли обо мне, и никто на могилку не придет, в помин души панихидку не отслужит. Забыл меня народ православный».

И вот единожды слышит царь Петр истинный, что неведомые люди на его могилку пришли и промеж себя разговаривают.

— Сильно меня царь Петр обидел, землю у меня отнял и добра всякого отобрал.

— А ты кто такой будешь? — того человека спрашивают.

— Турчин я.

— Стало быть, ты человек неверный и землю от тебя отбирать не зазорно. Вот у меня землю царь Петр отобрал, так это мне обидно.

— Ты из каких же будешь? — турчин спросил.

— А я свейский человек буду.

— Ну, тебе поделом: ты русских сильно обижал.

Говорили, говорили между собой и в ссору вошли, да ножами друг друга полосовать и начали. Полилась кровь человеческая, да прямо-таки на могилку царя Петра и угадала. И где та кровь пролилась, на том месте

терновник вырос и красными цветочками покрылся.

И царю Петру истинному паче того тяжелее стало, потому его земля сильнее придавила, а корни терновника прямо в грудь впиваться стали. «Забыл меня народ православный, отмолить меня не хочет», — думает царь Петр истинный, и горше того ему сделалось. «Чем я перед народом православным так провинился, что великую муку принять должен? — начал он роптать. — Все грешное делал я по своему разуму, в чаянии блага, а не злобства лютого».

— Не ропщи, царь Петр, а претерпи и спасен будешь, — слышит он некий тайный глас. — Не забыл тебя народ православный, и от чад его ты избавление примешь. Не пришел еще конец испытанию твоему, до конца претерпи.

Внял царь Петр истинный тому гласу и духом смирился. А вода ледяная пуще того мочить стала, и червь злее точить тело принялся.

Лежит он в своей могилке год, лежит другой, — могилка уже бурьяном поростать зачала, а из православных никто на могилку не идет. «И пусть бы меня вода ледяная затопила, пусть червь еще злее глодать стал, только бы помолиться на могилку мой народ пришел», — мыслит царь Петр и зело душой скудаться начал.

— Боже милостивый, Исусе многострадальный, отпусти вину мою, — взмолился царь Петр истинный, — по человечеству моему слаб есмь стал.

— Окрылись духом и в уповании пребудь, спасен будешь, — царю Петру глас отвечает.

И снова смирился царь Петр и мысленно двуперстное крестное знамение совершил. Мысленно же, а не вьявь потому собственно, что пеленами обвит был и из оных пелен, коими его тело старцы повили, руку свою вынуть не мог. Так и остался тихонько в домовине лежать, в той самой, что в землю теми же старцами опущен был.

Еще год, а то и более, прошел. Совсем могилка царя Петра сорной травой поросла, и терновники в густые кусты обратились, все, какие допрежь того тропинки к могилке подходили, все заглохли. Никто могилку не посещает, ни православный, ни другой прочий народ, и только птицы небесные поют над забытой могилкой свои безгрешные песни и святую, единосущную Троицу прославляют и вечную хвалу ей воздают, во веки веков нерушимую.

Сколь еще с того самого времени прошло, сказать невозможно, но только тело царя Петра сильно тлению предалось, кости от мяса обнажаться стали, и уста уже шевелиться не могут, и лишь думы его не покинули, и больше слезы из глаз литься принялись, и не слезинками, а ручьями горными.

— Иисусе многомилосердный, помилуй меня! — молится царь Петр. — Подай мне успокоение вечное!

— Был ли ты справедливым, милосердным, не угнетал ли народ православный? — голос с небеси царя Петра исповедовать начал.

— Грешен перед тобой, — каялся царь Петр, — не был я справедливым, не был всегда милосердным.

— Отпускается эта вина твоя, — слышит царь Петр, и душа его радоваться начала, ибо милосердие Божие коснулось ее.

— Ниспошли мне кончину, — еще больше молит царь Петр.

— Угнетал ли ты веру праведную, истинную, древлеправославную и не истреблял ли огнем, и мечом, через катов и всяческими другими способами людей, по сей вере верующих?

— Великий я грешник, — царь Петр отвечает, — и в этих деяниях я, Владыко, грешен: веру древнюю без меры угнетал, а людей праведных всякими способами истреблял и казни лютой предавал.

— И эта вина твоя отпускается тебе, благо ты раскаяние чистое принес и многое не по своей воле творил, а по бесовскому наущению.

— Господи, скажи мне кончину мою, — слезно молит царь Петр. — Прими, Иисусе сладчайший, дух мой с миром.

— От чистой души ты покаялся, и да простятся тебе все грехи твои.

— Прими душу в царствие твое, Господи Иисусе, сыне Божий! — царь Петр говорит и готовится в мыслях предстать перед судьей праведным.

— Велики грехи твои, но и милость моя конца не имеет, — все тот же глас с небеси возвещает. — Телом ты обновился и душу покаянием очистил, но искус твой еще не кончен. Дождись, когда придет на могилку твою чист человек, окропит ее живой водой, тогда она сама собой раскроется, и встанешь ты из нее очищенным, первородным, и аки голубь незлобив будешь, и не коснется тебя всякая бесовская пакость, наваждение, и

познаешь ты сладость, благолепие веры истинной, древлеправославной, и будешь ее защитником, ревнителем и насадителем. Аминь говорю тебе, посетишь ты вертоград мой и возростишь в нем цветы благоуханные, плоды спелые, и теми плодами украсишь путь скорбный мучеников, а плодами духовный глад верующих истово утолишь. Велико твое было мучение; но и радость твоя велика, ибо ты воином веры истинной будешь и ее от зла и супостата, а также и от антихриста и всяческих бед охранять должен. Настанет день, и вера истинная краше солнца воссияет и светом истинным просветит всех христиан православных. Аминь.

А в ту пору, как сие совершилось, царь Петр ложный, тот, что боярином Стрешневым поставлен был, лихое дело задумал и по совету Лефортова оное совершать зачал. Стал он исконную веру истреблять и всяческое утеснение людям той веры учинять и насилие над ними сотворять. И в срубах пожигали, в воде потопляли, на плахах обезглавливали, и вообще всяческое мучение усугубляли, дабы верующих в изумление привести и в антихристову власть предать. Также и прельщением действовали, златом малодушных покупали, тяглотами награждали и прочие милости оказывали. Сокращение пошло великое, потому соблазном прельщали по бесовскому наущению и в действие сии соблазны без всякой зазорности пущали. Что лучше сказать, — девок и баб опростоволосили, а мужскому полу бородушку остригали, а с тех, кои того не похотели, с тех подать особую брали и не насилком, а честью, так что они свой лик и подобие Божие за корысть продавали. Иудами искаримотскими делались. Как все сие скорбно было, того ни сказать, ни описать невозможно, плач пошел страшный, и скорбь беспредельная по всей земле Русской, словно река, разлилась. Люди, кои в вере тверды были и ни смерти али мучений лютых не боялись, те лишь и остались, а остальные улещению и страху предавались и от своей веры, словно листья с дерева, что осенью падают, отпали, слугам антихристовым покорились.

Немало веры истинной ревнителей по лесам разбрелось, где свои скиты понастроили и церковный обиход справляли. А в те леса царь Петр ложный воинов посылал с наказом людей тех имать, огню скиты предавать, а коли сопротивляться учнут, так и людей в срубах пожечь.

А все-таки не всех могли истребить, ибо многие в такие тайные места хоронились, что никак их найти нельзя было, хоть и старались найти, а того не удалось. Вот в таком самом месте и была могилка царя Петра истинного, и никто оную из людей святотатственных потревожить не мог, да и то

нужно сказать, что могилка совсем заросла и неприметна стала, — терновник колючий ее совсем покрыл и от святотатственных людей сокрыл.

В это-то самое тайное место, в один из дней от Господа указанных, люди, спасаясь от злых воинов Петра ложного, пришли и себе скиты налаживать принялись, просто шалашики строить, чтобы от всякой непогоды укрыться. И невдомек из них никому было, что они от могилки царя Петра истинного вблизи находятся и что панихиду по нем отслужить требовалось. Потому они панихидки не отслужили, что не открыто им было, а только по соизволению Божьему они на сие, а не на другое тайное место пришли и махонького ребеночка с собой привели. А ребеночек тот был сиротинушка, — его старцы с собой взяли, когда спастись от врагов в лес пошли, а ребеночек сиротинкой был, потому его мать антихристовы слуги жизни решили, в срубе сожгли, а ребеночка мать из пламени выбросить успела. Его было в огонь снова бросить хотели, а молоденький солдатик тому воспрепятствовал, — нам, говорит, ангельскую душу губить зазорно. Тут один из старцев находился, он потихоньку того ребеночка уволок и в потайное место спрятал, а потом с ним в лес и ушел, от лютых врагов и святотатцев спасаясь.

Так вот этот самый ребеночек, лишь только отабориться успели, в лес побежал да прямо к могиле царя Петра истинного и приблизился. И великое чудо тут совершилось.

Как только ребеночек к могилке близко подошел, так вдруг пение с неба раздалось, да такое сладкое, какого никто допрежь того на земле и не слыхивал. Остановился ребеночек, пал на коленки и ручки свои к небу поднял. А на самой могилке зацвели цветы прекрасные, благоуханные, слетелись со всех сторон птицы и хвалу Господу запели и с ангелами вместе сугубую аллилуйю вознесли вседержителю и Господу нашему Иисусу Христу, пречистой его Матери и животворящей, единосущной святой Троице. Возрадовался малютка, невинные очи свои горе вознес и услышал глас с небеси:

— Зачерпни, чист человек, воды живой, текучей и водой той могилку окропи.

И все сие малютка своим сердцем уразумел и по тому велению в точности и неукоснительности исполнил.

Побежал он резвенько к ручью, что около могилки журчал, зачерпнул рученькой водицы и стал ею могилку кропить. И стала могилка в землю уходить, и как лишь с землей сравнялась, так и раскрылась. А как раскрылась, так и вышел из нее царь Петр истинный жив и невредим, в царском кафтане, в горластой шапке, с крестом на груди и с посохом в руках.

Перво-наперво истовое моление царь Петр истинный совершил и Господу Иисусу Христу, Пречистой Матери его и святой, животворящей Троице хвалу вознес, колени преклонивши. Потом к малютке подошел, троекратное лобзание ему предал и такое слово сказал:

— Слава тебе, чист человек, слава тебе, что ты по Божьему велению меня от живой смерти сохранил. Через тебя, чист человек, познает меня народ православный и веру истинную блюсти станет. А теперь оповести всех, кто с тобой пришел, что восстал из могилы царь Петр истинный и вкупе общее моление совершить хочет и хвалу Творцу создать подобающую.

Побежал малютка к старцам и прочим людям, что спастись в лес с ним пришли, и оповестил Им весть радостную.

Сошлись все старцы и прочие люди и в умиление великое пришли, на колени упали и зачали Господа Вседержителя славословить. И к тому славословию свои голоса ангелы присоединили и птички небесные, и все умиленно сугубую аллилуйю вознесли.

А царь Петр истинный пуще других молится, а слезы из его глаз, как реки, льются, ибо понял он сердцем своим неизреченную милость Господню и всю благость его. И лишь хваление кончилось, пение смолкло, поднялся с колен царь Петр истинный и с такими словами к людям обратился:

— Братия любезная, народ мой православный, в вере праведной укрепленный, вы послушайте, что я вам говорить буду и как наставлять на путь праведный, в вере православной укреплять.

— Был я мертв, — царь Петр истинный говорил, — а Господь помиловал меня. Был я грешник великий, а Господь всемилостивый простил меня. И вы тому веруйте, ибо по милости своей бесконечной Господь раскаявшегося грешника простит и помилует. Тако веруйте, а не инако, ибо инако веровать — смерть вечную принять, а веровать по-истинному — жизнь вечную себе уготовить и в царство Божие войти. И будьте в своей вере православной крепки, аки камни, и от нее не отступайтесь. Златом смущать учнут —

отвергните его, ибо оно в геенну огненную приведет и от смерти вечной не спасет. Почести дадут — отрекитесь от них. Стойте в вере крепко, уподобляйтесь столпам истинного благочестия, творите двуперстное знамение, как тому нас Аввакум учил и как то от святых людей установлено. Предайте себя огню и пламени, отдайтесь на растерзание зверям лютым, а в вере крепко, ненарушимо стойте и от всякого соблазна бегите. То заповедаю вам, а мне верьте, ибо я царь ваш истинный. Властей, а паче всего царей своих истинных почитайте, им всякую почесть и хваление, а также и молитву о них воздавайте и творите, ибо цари помазанники Божии суть и блюсти закон самим Господом Исусом Христом поставлены. Аминь.

Как сие поучение царь Петр истинный сказал, так из глаз людских скрылся, точно его и не было. И уразумели тогда, что это чудо было, и еще раз молитвословие совершили, благодаря Господа за ниспосланное откровение и в вере наставление.

И пошло с того самого времени большое в старой вере укрепление, и те, кто допрежь того колебание имели, те верными людьми сделались и на всякое мучение шли, веру прославляя и от обычая своего не отступаясь.

А гонение в ту пору еще пуще прежнего стало. Царь Петр ложный гневом распалился, что его приказу не все послушны, а как прознал, что царь Петр истинный проявился, так все леса и тайные места пооткрывал, где от него хоронились, и всем тем людям великую казнь сотворил.

— Не успокоюсь я, — царь Петр ложный Лефортову говорил, — пока обманщика, что мое имя облыжно принял и себя царем величает, не найду и казни лютой не предам. В народе такая молвь идет, что он-де царь Петр истинный, а я царь Петр ложный. А Лефортов ему тако отвечает:

— Найти, государь, того обманщика трудно, ибо он такое слово знает, что может от людских глаз скрыться. А мы человека такого найдем, который нас к нему приведет, мы тогда его и захватим.

— Делай, как лучше, только захвати, а то я и тебя сказнить повелю.

Собрал Лефортов войско преогромное, а в проводники такого человека поставил, который в каждом лесу али в море-океане дорогу найти может.

Пошло войско в поход, и мало ли, много ли времени шло, то неведомо, а только к лесу подошло и кругом оцепило, — со всех сторон стражу поставили, чтобы ни один человек выйти из того леса не мог.

— Нужно вперед надежных людей послать, чтобы они по тайности все высмотрели, — Лефортову тот человек присоветовал.

— Верно говоришь, — Лефортов сказал и велел клич кликнуть, кто не пожелает ли в лес пройти и высмотреть, что в том лесу творится.

Сколько клич ни делали, а никто не отзывался, потому всякому боязно стало на святых людей руку поднимать.

Разгневался тогда Лефортов и даже некоторых солдатиков расстрелу предал, и нехорошими словами обозвал.

— Коли, — говорит, — так, велю жребий кинуть, кому выпадет, того и пошлю, а сказнить велю всех до единого.

Стали жребий кидать, и достался он тому молодому солдатику, что ребеночка от огня спас, когда его мать в срубе жгли.

Пошел солдатик, — ничего не поделаешь, потому присягу в том принимал, чтобы начальства не ослушаться. Зашел в самую чащу, — ни ходу, ни выхода нет, — лес словно стена стоит. Кое-как через чащу продрался и вышел на прогалину. Видит: дом стоит молитвенный, а в доме том люди Богу молятся.

И слышит солдатик, что кто-то его из дому к себе кличет.

— Иди сюда, мил человек, не бойся, никакого тебе вреда не будет, ибо знаю, зачем ты сюда пришел и кто тебя послал.

Подошел солдатик к самому дому и в оконце и заглянул, а там люди в белых одеяниях стоят и молитву творят, а промеж их высокий такой стоит и на солдатика смотрит.

— Узнаешь ли ты меня, солдатик мой верный? — высокий человек солдатика спрашивает.

— Нет, не узнаю, — солдатик отвечает, а сам диву дается, что голос у высокого на голос царя Петра схож.

— Видал ли ты когда царя своего? — опять высокий человек солдатика спросил. — Схож ли я с ним или нет? Говори, не бойся, правду только говори, не лукавь и себя в мыслях не обольщай.

В страхе упал солдатик на колени, и от испуга язык отнялся. Вышел тогда высокий человек из дому и солдатика с колен поднял.

— Смотри теперь на меня, схож ли я с царем.

— Голосом схож, ростом тоже, а ликом нет. Государь Петр Алексеевич бороды не носит, а по немецкому обычаю и по воинскому уставу ее бреет, да и одеяние у него другое, воинское. А ты, не знаю, как тебя звать-величать, по боярскому, старому обыку одет, а теперь такого уж не вздевают на себя служилые люди.

Царь Петр истинный не обиделся на такие речи, а близенько к солдатiku подошел и руку свою на него возложил. И как только рука царя Петра истинного солдатика коснулась, так он тотчас и прозрел и к ногам государя пал и лобзать их начал.

— Поди, — сказал царь Петр истинный, — возвращайся с войском и к дому тому приведи. Час мой настал.

Покорился солдатик, пошел назад, к войску, а царь Петр истинный в дом вернулся и такие словесные препоручения преподал всем, кто с ним на молитве стоял:

— Голуби мои белые, вы послушайте мои последние речи. Заповедаю вам мою волю неизменную, кою исполните, а кто супротив будет, тот анафема. Придет сюда рать несметная и всех нас лютой смерти предаст. Того быть не должно и не будет. Собирайтесь, братья мои во Христе, вы в путь-дороженьку и рассыптесь по разным сторонушкам, идите вы в горы уральские, сибирские, забайкальские, стройте скиты крепкие, веру истинную укрепляйте. Мерзкого зелья не потребляйте, в пище воздержание великое оказывайте и всякого непотребства и скверности избегайте. С мирскими не мирщитесь, а своим помогайте и крепко друг за друга стойте. И поведаю вам еще, что солнышко взглянет и слезы ваши, как росу небесную, осушит. Молитесь неустанно, денно и ночью, дабы вас Господь Вседержитель помиловал и от лихих напастей охранил и защитил. Аминь.

— Как же ты, царь-батюшка, в руки врагов отдаешься, нас сиротинушками оставляешь? Примем мы с тобою смерть неминуемую, а тебя не покинем.

— Тому только и быть, что я вам сказал. Не упорствуйте, не грешите. Идите все, а меня оставьте. Такова воля Господа, и не нам, грешным, ей не покоряться.

Началось рыдание великое и прощание слезное. А царь Петр истинный встал на молитву и положил начал. Тогда и все прочие стали на молитву и совершили моление великое, с песнопениями и поклонами. Засим подошли к царю Петру истинному, земной поклон ему отдали, целование последнее совершили и потихоньку, как птицы перелетные, один за другим из дому вышли и по всем краям света разошлись, дабы исполнить то, что им было повелено царем батюшкой, Петром Алексеевичем истинным.

Прошло немало времени, день, два, а то и более, как воины Лефортова к тому дому подошли и со всех сторон его стражей неусыпной окружили. Сам Лефортов к дому подошел и зычно к себе там находившихся потребовал. Никто не откликнулся, потому, кроме царя Петра истинного, в том доме и не было.

— Позвать сюда солдатика, что охотником в лес ходил, — Лефортов так приказал. А как солдатик пришел, так он ему и говорит:

— Ступай ты в дом, высмотри и знак нам подай, коли что там найдешь. Ты был там, ты и в ответе будешь, может, ты измену какую задумал, так оно само наружу и выйдет.

— Измены моей никакой нет, а что я уверовал, так это точно, — солдатик Лефортову сказал, а сам к окну того дома подошел да молитвословие и проговорил:

— Господи Иисусе Христе, помилуй нас.

А из дома ему аминь в ответ послали, дверь растворили, и солдатик туда и вошел. Как вошел, так ниц перед царем Петром истинным пал и руки к нему простер.

— Зачем ты пришел? — его он спрашивает. — Страдания принять хочешь али от меня отречься и в руки катов предать?

— Пострадать за веру праведную хочу, а тебе, царь мой истинный, я хвалу тебе подобающую воздаю. Благослови меня на подвиг сей.

Благословил солдатика царь Петр истинный, и вместе из дому вышли, прямо к Лефортову и подошли.

Возрадовался Лефортов, что так дело прикончилось, — сейчас приказал царя Петра истинного и солдатика в железа заковать и под крепкий караул посадить, и стражу немецкую к ним поставить, чтобы прельщения никакого

не вышло.

Сидят под стражей оба невинномученика, и царь Петр истинный солдатика поучает и ему всяческие наставления дает.

— Из мертвых меня Господь воскресил, чтобы веру православную прославить. Приму я мучения великие, ибо таков мне предел положен. Настали теперь для веры истинной дни судные, и нужно очищение от грехов огненным крещением воспринять. За всех православных, кои древнее благочестие соблюдали, я страдания приму, и грехи искуплю. Час мой настал. А тебя на ту же стезю наставляю, ибо ты уверовал и душу свою спас. Аминь.

Привезли, наконец, царя Петра истинного и солдатика его верного перед лицо царя Петра ложного, а он допрос им учинять зачал:

— Как ты посмел, пес смердячий, смерд поганый, себе имя царское присвоить и себя, поганца, царем величать? — стал он царя Петра истинного допытывать.

— Я-то царь Петр Алексеевич настоящий, истинный, а ты боярина Стрешнева ставленник, — смиренно так царь Петр истинный ответ держать начал.

— Как ты такие неподобные слова говорить осмелился? — зазыкал на него царь Петр ложный. — Я тебя живого в срубе сожгу, а допрежь того язык твой поганый вырву и псам на съедение отдам. Позвать сюда самых настоящих катов, которые милости не знают, и казнь жестокою над ним вершить.

Подбежали каты, взяли царя истинного за ручки белые и в застенки провели и давай над ним всяческие издевки делать.

Чудо тут великое сотворилось. Стали тело царя Петра истинного на части рвать, а сколь кусков вырвут, столь опять нарастет, да еще более прежнего, а где кровь прольется, там благоуханные цветы вырастают. Увидали сие каты, все свои клещи побросали, а сами на колени пали и молитву творить зачали:

— Прости ты нас, рабов неразумных, творим, что и не ведаем, прости, ради Христа.

— Бог простит, — смиренно так царь Петр истинный отвечает, а сам крестное знамение творит и катов благословляет.

Пришел в застенок сам Лефортов и диву дался, что такое произошло... сколь времени каты действуют, а царь Петр истинный целехонек стоит.

— Что же вы, непослухи, такое здесь творите! — на катов Лефортов закричал, ногами затопал и кулаками угрозил. — Я, — говорит, — вас самих на дыбу вздернуть велю.

А каты как были на коленях, так и остались, слова больше вымолвить от такого чуда не могут, язык отнялся.

Лефортов еще пуще осерчал и повелел тех катов под стражу взять, а новых позвать и при себе царя Петра истинного пытаться и всяческим мукам предать. И стали новые каты клещами тело его на части рвать, а он Бога Господа Иисуса Христа славословит. Но сколь каты ни старались, ничего поделаться не могут: кусок тела клещами вырвут, а оно снова зарастет.

— Ты волхв, — Лефортов закричал, — и тебя прямо утопить нужно. Поведите его к Неве-реке, камень большой на шею привесьте да в воду и киньте.

А царь Петр ложный услышал Лефортов приказ и к себе Лефортова зовет, чтобы узнать, повинился ли в чем царь Петр истинный. Лефортов ему и говорит, что каты ничего поделаться не могут, потому он, Петр царь истинный, не кто иной, как волхв.

— Я его в Неве-реке утопить хочу и жернов на шею привесить велел, — Лефортов говорит. — Из воды не выплывет.

Привели царя Петра истинного к Неве-реке, пребольшущий жернов приволокли и крепко-накрепко на шею ему привесили, на лодку посадили и на средину реки и вывезли. А как стали его в воду бросать, так лодка опрокинулась, каты в воду попадали и ко дну скорехонько пошли, а царь Петр истинный жернов в ручки взял и по воде пошел к берегу цел и невредим. Все православные, что на берегу стояли, видя то чудо, на колени попадали и в один голос закричали:

— Ты наш царь батюшка Петр Алексеевич истинный, и тебе мы земно кланяемся!

Не похотел того видеть царь Петр ложный, отвернулся и Лефортову говорит:

— Возьми немцев и татар, прикажи им волхва схватить и в сруб посадить. А тех, кто на коленях стоял, тех мы казни предадим, ибо это — люди изменные и нашему царству негодные.

Сейчас Лефортов верного человека куда нужно послал, и немцев видимо-невидимо сколько пригнали. И стали тех, кто на коленях стоял и царю Петру истинному хвалу воздавал, тех зачали хватать, руки, ноги вязать и к плахам волочить. А на каждой плахе кат из татар стоял, и лишь только кого приведут, тому и голову секирой отсекал. И столько много голов в ту пору снимали, что Нева-река помутнела и кровью окрасилась, словно вечерней зарей погорела.

А царь Петр истинный на берег вышел, бросил жернов на землю и прямо к царю Петру ложному пошел.

— Почто же ты меня казнить не повелишь? — он его спрашивает.

— Ты, — говорит царь Петр ложный, — волхв, и тебе будет казнь особливая. Пока же я к дереву тебя привязать повелю, чтобы ты казнь ослушников видел и знал, что не спасло их от смерти все твое волхование.

— Без Божьего произволения ни один волос с головы человеческой не спадет, не токмо что голова. Так ты знай, что Господь допустил их мученическую кончину приять, и они через твое злодейство страстотерпцами сделались и венец мученический нетленный получили. Аминь.

Распалился гневом от таких речей царь Петр ложный и велел царя Петра истинного к дереву привязать, а перед ним плаху поставить и на ней солдатику казнить.

— Твоего ближнего приспешника, а мне изменника, казнить перед твоими глазами хочу, ибо ради тебя он мне измену подлую содеял.

Сейчас плаху поставили и солдатику к ней привели. А солдатик тот к царю Петру истинному обратился и благословения себе на жизнь вечную испросил, а потом самолично голову на колоду положил и катам явственно проговорил:

— Да простит вас Господь Вседержитель, как я прощаю.

И опять чудо проявилось. Отрубили голову солдатику, а голова прямо к ножкам царя Петра истинного подкатилась, глаза открыла и такие слова

сказала:

— Прости меня и в царство небесное благослови.

— Будь благословен, все грехи твои прощаю во веки веков.

Сии слова царь Петр истинный сказал и мысленно крестное знамение совершил. Потому он мысленно сие соделал, что ручки его к дереву привязаны были крепко-накрепко немцами.

— Теперь и твоя очередь настала, — Лефортов проговорил. — Вишь, и тебе изба красная готова, — и на сруб показал, в котором царя Петра истинного пожечь приготовились.

Отвязали его от дерева и в сруб поставили, а потом его поджигать зачали. Сруб сразу огнем-пламенем занялся со всех сторон. Царь Петр ложный на пригорке стоял и до тех пор с места не сходил, пока от сруба даже угольев не осталось. Но тут еще одно чудо проявилось. Как сруб уж догорать начал, откуда ни возмись, из самого что ни на есть пекла, белый голубь взвился, над срубом покружился и неведомо куда из глаз скрылся. Многие тогда к старой вере обратились, потому в сем голубе знамение увидали.

А царь Петр ложный, как сруб гореть перестал, повелел кости сожженного найти, чтобы их в порошок истолочь и по ветру пустить. Искали, искали, а тех костей так и не нашли. Лефортов говорил, что-де, мол, сгорели, а царь Петр ложный призадумался, и с того времени людям старого обычая многие послабления делали и в срубах жечь перестали.

Сему сказанию конец. Аминь.

(Зап. от старообрядца Хромцова в Тарбагатае.)

Баснин П. П. Раскольничьи легенды о Петре Великом // Исторический вестник. 1903. № 5.